

Так они шли и собирали осенние плоды. Попался сорт мелких груш, величиной с кулак, ещё зелёных, но все их рвали. Ду Ань попробовал одну — твёрдая, хоть кого-нибудь приберей. Фан Шэн объяснил, что эти груши могут висеть до самого снега, но тогда в горы уже не подняться. А когда поспеют, станут сладкими и мягкими, вынешь на мороз — и всю зиму есть можно. Тут же велел побольше набрать.

В следующие дни заходили всё дальше. С ребёнком стало неудобно, и двое Ду стали ходить с Фан Шэном по очереди. Добыча была богатой: нашли сухостой — набрали мясистых чёрных древесных грибов; взяли шесты — пошли в сосняк за кедровыми орехами. Шесты пришлось наращивать — сосны высокие, прямые, шишки на земле пустые, орехи только наверху. Деревья высокие, пришлось с шестами возиться. Зато неожиданно нашли сосновые опята — в курицу отлично. Попался и лещинник — фундука набрали, правда, мельче того, что Ду Чжунпин прежде ел, да и опята в лещиннике мельче сосновых. Однажды на склоне горы набрали на каштаны — целую корзину набрали, в голодный год и за еду сойдёт, а в обычное время жареные — всем лакомство...

Ду Чжунпин с Фан Шэном всё же трав собирать хотели. Потом и вовсе книгу с собой стали носить, встречали похожее растение — сверялись. Кое-что находили, в основном володушку, и это их ещё больше воодушевило.

Только народ, видя, как они то и дело книгу достают, да ещё что-то бормочут, здорово подшучивал. Наконец на солнечном пологом склоне нашли гроздья пурпурно-красных ягод, похожих на кораллы, — красивые, аккуратные, высшего качества, настоящая пятивкусница. Обрадовались — вот и достойная добыча.

Собиратели вернулись с богатой добычей, а охотники всё не шли. Все забеспокоились: в прошлые годы так долго не задерживались. Уже октябрь на дворе, ветер поднялся, с каждым днём холоднее.

Фан Шэн с каждым днём тревожился больше. Даже то, что они с Ду Чжунпином собрали много трав, и среди них ценные, вроде пятивкусницы, не могло скрыть тревоги на его лице.

Двое Ду тоже волновались, но виду не показывали, боялись расстроить Фан Шэна ещё больше. Местных порядков они не знали, утешать было нечем, вот и старались быть рядом, делами занимать, чтобы не накручивал себя.

В тот день погода переменилась: небо заволочло, ветер усилился, а к полудню и вовсе снежок закружил. Фан Шэн совсем изошёлся, места себе не находил. Ду Чжунпин утешал: мол, народу много, наверное, далеко зашли, ничего не случится. Фан Шэн и сам понимал, но сердце не на месте.

Среди ночи Ду Чжунпин, крепко спавший с Цзинь-эром, сквозь сон услышал лай, конское ржанье, отрывистые окрики. Только стал просыпаться, как Ду Ань уже тормозил его: «Охотники, кажется, вернулись. Слышу, во дворе движение. Наверное, брат Чжао».

Ду Чжунпин мгновенно поднялся, они с Ду Анем кое-как оделись и собрались идти. Уже у двери Ду Чжунпин сказал: «Брат Шэн все эти дни с нами ел, у себя дома он не готовил. Еды захватим».

Когда пришли, в доме светилось. Крикнули — их позвали внутрь.

Чжао Ба и вправду вернулся. Фан Шэн воду кипятил. Ду Ань сказал: «Еды принесли, брату Чжао разогреть».

Фан Шэн взял и поставил на пар: «Как раз думал, будить вас или нет, боялся сон прерывать». Они зашли в комнату, перекинулись с Чжао Ба парой слов, спросили, всё ли в порядке, и, не решаясь надолго оставлять одного Цзинь-эра, откланялись, пообещав зайти завтра.

Фан Шэн накормил Чжао Ба, принёс горячей воды умыться — не будем подробно.

Из-за ночных хлопот все поднялись поздно. Но о Чжао Ба помнили, кое-как позавтракали, взяли Цзинь-эра и пошли проведать.

На земле — тонкий белый покров. Снег уже не шёл, но небо хмурилось, северный ветер дул, будто сквозь одежду пробивал. Двое Ду почти бегом добежали до соседей.

Чжао Ба с Фан Шэном как раз за низким столиком завтракали — видно, из-за ночных дел проспали. Увидев гостей, Чжао Ба кивнул, узнав, что те уже ели, предложил не стесняться, а сам продолжил набивать живот.

Когда наконец доели и убрали, Ду Чжунпин спросил: «Брат Чжао, говорили, дней через пять-шесть вернётесь, почему так задержались? Дома все извелись».

Чжао Ба мотнул головой: «И говорить нечего. Раньше такого не было, а вот года за два-три люди переменялись».

Все сгорали от любопытства, наперебой стали расспрашивать. Чжао Ба сказал: «Сначала далеко не ходили, но дичи меньше, чем в прошлые годы. Сейчас все одеты-обуты, урожай хороший, хватает на пропитание, многие уже назад рвались. Но некоторые упёрлись — дальше в горы, да и только. Тех, кто назад просился, так попрекали, что тошно стало. Прошли ещё несколько дней, подстрелили немного косуль да фазанов, а они опять — давайте, мол, женьшень искать, говорят, дороже всего. Право, беситься можно. Если бы не староста, видя, что погода портится, силой не повернул назад, они бы там ещё болтались».

Оказалось, большинство здесь — давние солдаты генерала Юаня. У многих на родине никого не осталось, как у Чжао Ба с Фан Шэном, или здесь женились, обзавелись хозяйством, уезжать не хотят, или родню перевезти планируют. Вот и осели у подножия горы Цинню, землю пахать стали. Хотя и сложили оружие, но кто из них по-настоящему земледелием занимался? Первые пару лет урожая так себе были.

Вроде бы за годы службы кое-какие сбережения скопили, но раньше армия и кормила, и одевала, о быте не думали. А как сами зажили — деньги быстро таять стали. То на обзаведение, то на свадьбу, то старые раны давали о себе знать — доходов мало, расходов много.

Делать нечего, староста каждый год после сбора урожая самых ловких в горы на охоту отправлял, чтобы подкопить. За несколько лет это в обычай вошло.

Теперь землю обрабатывать научились, урожай наладился, на охоту уже не так надеялись, разве что поразмяться. Но тут несколько человек родню сюда перетащили, и сразу туго пришлось. Ртов прибавилось, да ещё одежда, одеяла — дело-то серьёзное. Здесь не юг, зимы суровые, без тёплых ватных одеяний не выжить. Да и зима долгая, морозная, работы никакой. Вот и пришлось на охоту надеяться. Но не повезло — отсюда и все раздоры.

Выслушав объяснение Чжао Ба, двое Ду просто как историю восприняли, а Фан Шэн тяжело вздохнул: «Что поделать. Кто сюда едет, тот уж на краю, надеется здесь прокормиться. Ремёслами не владеет — куда деваться. Но при чём тут женьшень?»

Чжао Ба сказал: «Из-за этого и злюсь! Дин Саньгоу всё противнее становится, это он всё начал».

Оказалось, в деревне жил некто Дин Саньгоу. Раньше ничего, а как осел, стал мелочным. Все знали, что он родню хочет перевезти, поэтому не осуждали, но внутри всё больше раздражались: если знакомые зовут поесть, он обязательно придёт, но сам никогда не позовёт, так бы, кажется, и чужую миску унёс; в страду даже инструменты у людей занимал — а у кого они лишние? Возвращал грязными — а ведь каждый инструмент у кузнеца за немалые деньги делали, постоянно нужен, кто его не бережёт?

Всё вместе взятое привело к тому, что с ним общаться почти перестали. Теперь Дин Саньгоу родню перевёз: старую мать да хромого старшего брата — все на него. Хоть и скупой, но мать с братом содержит, народ думает: совесть-то у него есть, просто в доме трудно. Поэтому, когда что-то делили, его не забывали, не бросали.

<http://bllate.org/book/16286/1467449>